

АМИНА ВОЛКОВА

ИЗМЕНА МУЖА.

ТЫ ХОТЕЛ СДЕЛАТЬ
МЕНЯ СЛЕПОЙ!

Амина Волкова

**Измена мужа. Ты хотел
сделать меня слепой!**

«Автор»

2026

Волкова А.

Измена мужа. Ты хотел сделать меня слепой! / А. Волкова —
«Автор», 2026

Восемь лет я верила мужу. А однажды Виктор сменил замки, продал нашу квартиру и уволил меня из клиники, которую я помогала строить. — Ты слепнешь, Ева. Больной хирург никому не нужен! На пальце его любовницы блестело моё обручальное кольцо. А вскоре я нашла чеки на странные препараты, которые муж заказывал последние два года. Неужели моё зрение исчезало не случайно? Теперь конкурент Виктора, властный Артур Волконский, предлагает лечение и защиту. Но требует взамен мою уникальную методику и полную покорность. Я уже поверила одному мужчине и едва не погибла. Смогу ли вернуть зрение, профессию и свободу, не оказавшись в новой золотой клетке?

© Волкова А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Амина Волкова

Измена мужа. Ты хотел сделать меня слепой!

Глава 1

Ключ упёрся на половине оборота. Обычно замок заедал чуть раньше; я привыкла приподнимать ручку и тянуть дверь на себя. Попробовала и сейчас. От нажима на палец осталась белая бороздка. Только тогда заметила: накладка новая, без царапины, которую я оставила кольцом прошлой зимой. Ключ мой. Замок — уже нет.

— Витя, — прошептала я, хотя телефон ещё лежал в кармане куртки. Голос сорвался на хрип.

Ударил в дверь, потом ещё раз, костяшками. Наше дерево хорошо глушило звук — мы выбирали толстую панель, чтобы не слышать соседей. Теперь эта покупка работала против меня. Прислушалась. Когда Виктор бывал дома, за дверью обычно звякала чашка: кофе он делал даже в те дни, когда со мной не разговаривал. Сейчас никто не подошёл. Я ещё раз нажала звонок и осталась стоять с пальцем на кнопке.

Соседская дверь приоткрылась. Зина сначала высунула нос, потом вышла целиком, в халате с розами. Одной рукой держала платок у груди, другой придерживала дверь. Она посмотрела на мой ключ, на сумку, снова на ключ. Мне захотелось спрятать его в кулак: ещё минуту назад он означал, что здесь мой дом.

— Вывез всё, милая, — сказала она тоном, который обычно используют для констатации погоды. — Ещё вчера вечером. Коробки, чемоданы. И женщина... молоденькая такая, в шубе из норки. Он ей ключи давал. А ты чего стоишь? Как дура у чужого порога?

Зина спросила это громко, для всего этажа. Я знала её привычку: зазор в двери потом закроется, а вечером мой ответ будут обсуждать на соседней кухне. Могла бы перечислить ей свои операции, пациентов, восемь лет жизни с Виктором. Получился бы отчёт о том, как дипломированная дура простояла у новой двери. Я отвернулась и достала телефон. За спиной соседка коротко хихикнула.

В трубке шли длинные гудки. Один, два, три. Виктор сбросил вызов. Я перезвонила. На этот раз он ответил мгновенно, будто ждал именно этого сигнала.

— Ева, у меня совещание, — его голос был ровным, бархатистым, тем самым, которым он усыплял мою бдительность восемь лет. — Почему замок другой? — спросила я. Не плача. Мне нужен был ответ, а не его привычное «успокойся». — Квартира продана. Сделка закрыта час назад. Ты знаешь условия контракта, дорогая. Имущество оформлено на холдинг. Твоё присутствие там юридически незаконно.

— Продана? — слово показалось мне абстракцией, как «инфляция» или «гравитация». — Там мои вещи. Мои документы. Моя жизнь. — Твоя жизнь, Ева, закончилась в тот момент, когда ты подписала согласие на передачу методики реабилитации в эксклюзивное пользование «МедГард». А теперь слушай внимательно. Ты уволена. Статья — профессиональная непригодность. Мы нашли подтверждение твоего диагноза. Тебе нельзя оперировать. Никому.

Он знал про глаза. Я сама сказала ему о пятнах, попросила забрать из клиники после тяжёлого дежурства. Он тогда выслушал меня, налил воды, погладил затылок. И запомнил всё, что пригодится сейчас. Капли и тонированные очки больше никого не обманут. — Ты... ты использовал это? — спросила я. — Я защитил бизнес от ошибки, которую ты совершила, выйдя

за меня. Ты слишком хрупкая для моего мира, Ева. Иди домой. К маме. Или куда хочешь. Только не сюда.

Телефон пискнул, и на экране появилось время разговора. Чуть больше минуты. Я опустилась вдоль стены: присесть нормально было не на что, а ноги перестали держать. Через джинсы тянуло холодом. Лампа над головой раздваивалась, края ступеней пропали за пятнами. Знала, что надо закрыть глаза, подождать, выровнять дыхание. Но закрыть — значило остаться с его последней фразой. «Или куда хочешь». У него было восемь лет, чтобы узнать, куда мне идти. Теперь он сделал вид, что не знает.

Лифт звякнул. Я взялась за ручку двери, пытаюсь подняться: только бы меня не увидели сидящей здесь. Не получилось. Из кабины вышла Лана Светлова. Тот же бежевый тренч, в котором она год назад приезжала на обследование после операции Виктора. Я тогда поправила ей подушку и искала вену для капельницы. Сейчас она заметила меня, замедлила шаг и, кажется, с удовольствием дождалась, пока я уберу руку с двери.

Лана остановилась так близко, что я различала её лицо даже сквозь пятна. — Ой, Ева! Она не спросила, помочь ли мне встать. Подняла руку, словно убирала волос у виска, и задержала её перед моими глазами. Бриллиант, тонкий ободок, маленькая неровность у крепления — я узнала кольцо сразу. На моём пальце оно сидело плотно. Лана придерживала его большим пальцем, чтобы не соскользнуло. Виктор даже размер не успел изменить.

— Он сказал, ты слепнешь, — прошептала Лана, наклоняясь ближе. От неё пахло дорожными духами и ладаном. — Ему нужна была здоровая жена. Красивая витрина. А ты... ты стала балластом. Даже твои методы лечения стали грязными, потому что их придумала больная женщина.

Я сглотнула, прижав язык к нёбу. Если сейчас открою рот, меня стошнит ей на туфли. Лана подождала ответа; не дождавшись, усмехнулась и пошла к лифту. Я проводила её взглядом до закрывшихся дверей. Хотелось удержать её лицо в памяти — без тренча, кольца, духов. И голос. Если зрение станет хуже, хотя бы по нему узнаю.

В коридоре остались я и пустые коробки у стены. Кто-то вынес мебель, разрезал скотч, сложил картон. Обычная работа, без трагедии. Я упёрлась ладонями в пол, но колени не разгибались. Посмотрела на пальцы: дрожь мешала даже застегнуть сумку. Этими руками я вчера держала инструмент над живой тканью. Вспоминать об этом сейчас было почти неприлично, будто хвастаться там, где тебе уже объявили цену.

И тут я увидела его. Конверт. Простой белый конверт, засунутый под коврик у двери. Край торчал рядом с моим коленом. Курьер Виктора? Нет, он бы не стал возиться с бумагами. На нём было написано моё имя. Кто-то оставил его после переезда. Кто — я пока не знала.

Подцепила конверт ногтем, разорвала край и вытянула содержимое. Это не были документы на развод. Не было уведомлений о выселении. Это были чеки. Тридцать две страницы. Аккуратно прошитые. «Бытовая химия премиум-класса. Очиститель труб "AcidPro". Средство для дезинфекции поверхностей "SterilMax"». Дата покупки: каждый месяц последние два года. Адрес доставки: квартира 42, ЖК «Панорама». Наша квартира.

На первых страницах были обычные названия, знакомые по уборке. Я уже хотела сунуть их обратно. Потом увидела количество, потом — повторяющуюся дату. Каждые четыре недели. Два года подряд. Заказы оформлял Виктор, хотя раньше бытовые покупки его раздражали. «Ты же сама жалуешься на пыль», — говорил он. В его записях упоминалась даже гигиена детей. Детей у нас не было. Почему я ни разу не спросила, откуда эта строчка? После уборки у меня щипало в носу, по утрам оставался неприятный привкус. Я жаловалась, и мы меняли капли. Врач однажды советовал проверить, чем мы дышим дома. Виктор ответил за меня: средствами из лучших магазинов, разумеется.

Я ещё не могла назвать это отравлением. Передо мной были чеки, а не анализ вещества. Но за каждой страницей вспоминалось отдельное утро: как я держусь за раковину, как Виктор

спрашивает, снова ли голова, как приносит стакан и торопит выпить. Теперь мне хотелось проверить всё, что он приносил. Если подтвердится хотя бы часть... Я стиснула зубы. Он мог уходить от больной жены, мог лишать её права работать — и сам создавать болезнь, которой потом прикрывался.

От страха всё ещё стучали зубы. Я выровняла страницы о колено: ни один чек не должен пропасть. Виктор рассчитывал, что мне хватит сил только плакать. Я посмотрела на свои руки. Они перестали дрожать. Подняла голову к чужому глазку. Виктор здесь уже не жил. До него придётся добраться иначе.

Нащупала телефон, положила чеки в сумку и застегнула её до конца. Сестра ждала моего звонка. Потом нужно будет связаться с врачом. Порядок действий был скромный, совсем не похожий на месть, но я хотя бы сумела встать. — Ты думал, что сломал меня, Витя, — сказала я, держась за стену. — Но ты только дал мне причину тебя добить.

Глава 2

В съёмной студии пахло мокрой пылью. Сюда я привезла Соню, свою одиннадцатилетнюю сестру, и две сумки, которые удалось забрать у консьержа после выселения. Остальные коробки ещё лежали у него в кладовой. За жильё я заплатила вперёд из неприкосновенного запаса; сколько смогу его снимать дальше, не знала. Чеки из конверта спрятала под половицей. Ночью свет погас — я не успела даже проверить, пробки это или задолженность хозяина.

Стук раздался, когда я уже стелила Соне на диване. Три удара с одинаковым промежутком; человек не спешил и не сомневался, что мы здесь. Я перестала расправлять простыню. Обычно сначала трещал домофон, и ещё до открывания можно было услышать имя. Этот пришёл прямо к нашей двери. Как он попал в подъезд?

— Кто там? — мой голос сорвался, превратившись в хрип.

За дверью помолчали и постучали ещё раз. Что-то скребнуло возле замка. Нож для бумаги лежал рядом с распечатанным договором аренды; я взяла его, понимая, какая это смешная защита. Пластмассовая ручка, короткое лезвие. Но убрать руку за спину не могла. Смотрела на засов и ждала, начнёт ли он двигаться. За дверью снова скребнуло — тише.

Отступая к дивану, задела Соню пяткой. Она успела сесть на пол и притянуть колени к подбородку. Плакала так старательно тихо, что мне стало хуже, чем от стука. — Ева? — Всё хорошо, солнышко. Иди на диван. Солгала привычным голосом, которым разговаривала с пациентами перед процедурой. Соня вслушалась в него и всё-таки встала.

Соня забралась на диван, не снимая тапок. Я не стала просить её разуться. Засов держал, но квартира, за которую отдала последние деньги, больше не казалась укрытием.

Утром я долго не могла найти второй рукав. Он лежал поперёк коленей, но сливался с тканью юбки; пришлось ощупать весь костюм, прежде чем разобраться. Шарф завязала с третьей попытки, молнию застегнула, зажав бегунок краем платка. Соня хотела помочь. Я отправила её умываться: если начнёт одевать меня сейчас, потом уже не остановится. До клиники ещё надо было дойти, и я собиралась выглядеть человеком, который пришёл устраиваться на работу.

В «Гранд-Мед» кофе делали прямо у стойки регистрации. Я остановилась там на минуту, пока глаза привыкали к освещению. Двое администраторов сразу притихли. Они узнали меня; это могло бы помочь, когда-то помогало. Но никто не спросил, в какое отделение я пришла. Только показали коридор к отделу кадров. На мне был ещё вполне приличный костюм, хотя пояс теперь приходилось затягивать туго. Хотелось поправить его, но под их взглядами я не стала.

За стеклом отдела кадров женщина расставляла бумаги строго по краю стола. Я видела её руки лучше, чем лицо. Она подняла голову, когда я дошла до двери. — Доктор Морозова? Присаживайтесь. На столе уже лежала папка с моей фамилией. Я присела осторожно, чтобы не задеть стул коленями и не показать, как болят вчерашние ушибы.

Стул всё-таки скрипнул. Женщина дождалась, пока я устроюсь, и заговорила поверх документов, не раскрывая папку. — Ваша квалификация... впечатляет. Онкология, реабилитация, уникальные протоколы. Но у нас есть политика компании по безопасности данных. Я могла бы угадать продолжение: за последние дни уже слышала слово «политика» из трёх разных приёмных.

— Какая именно? — спросила я. Голос звучал ровно, хотя внутри все горело. — Мы не принимаем сотрудников, имеющих незакрытые юридические споры или медицинские противопоказания к стрессовым нагрузкам, — она произнесла это механически, как робот. — Виктор Аркадьевич очень заботится о репутации холдинга.

Она подвинула мои документы обратно. Резюме было видно по сгибу — его даже не расправили. Я взяла папку, ещё надеясь найти вопрос, на который она согласится ответить. Условия работы, рекомендации, временная ставка. Но женщина уже смотрела в монитор. На экран я ей не жаловалась. Виктор сообщил всё раньше меня.

В коридоре чуть не столкнулась с Марком. Узнала его по привычке держать халат за отворот, когда торопится. Мы столько раз расходились так между операционными, что я машинально улыбнулась. Он остановился и не ответил. — Ева... Посмотрел над моим плечом, проверяя, кто идёт следом. — Мне жаль. Виктор предупредил всех. Ты теперь... ты вне игры. Не приближайся ко мне. Пожалуйста. Последнее слово он сказал почти беззвучно. Я опустила папку. Он боялся не того, что я попрошу; боялся, что нас увидят вместе.

Марк обошёл меня, прижав папку к груди. На ночном дежурстве он доверял мне пациента с открытой грудной клеткой. Теперь боялся постоять рядом минуту.

Телефон в кармане завибрировал. Экран показывал имя «Лана Светлова». Я взяла трубку, чувствуя, как пальцы скользят по стеклу. — Привет, дорогая, — голос Ланы был сладким, как приторный сироп. — Я видела тебя в коридоре. Так нелепо выглядеть одинокой в толпе, правда? — Чего ты хочешь? — отрезала я. — Помощи. У тебя проблемы со зрением, верно? Тебе нужна стабильность. Я могу предложить тебе место администратора. Подсобка, архив, работа с документами за копейки. — Я хирург, Лана. — Была. Сейчас ты — никто. Подпиши бумагу о том, что ты сама инициировала уход из-за «проблем со здоровьем», и я буду говорить о твоём трудоустройстве. А нет... Ну, ты знаешь, как быстро распространяются слухи о сумасшедших врачах.

Она предлагала мне перебирать бумажки за стеной отделения, где я оперировала, и самой подписать своё списание. Чтобы Виктору даже не пришлось пачкать руки. Я повесила трубку, не сказав ни слова. Руки тряслись так сильно, что телефон чуть не выпал.

У выхода я задержалась, прикрывая ладонью глаза. Дождь уже шёл, и с порога улица казалась одной блестящей полосой. Переждала две машины, чтобы услышать, свободен ли переход, и двинулась вдоль стены. Макияж потёк сразу, под шарфом стало мокро. Я вытерла щеку рукавом, разозлившись на себя: с таким лицом в следующую приёмную не пойдёшь. Придётся возвращаться в студию и снова умываться.

На углу меня окликнули грубо. — Эй! Уходи отсюда! Это был охранник соседнего бизнес-центра. Крупный мужчина в форме, который смотрел на меня как на мусор. — Здесь не место для бродяг. Иди в свое логово.

Ступня съехала с бордюра. Я успела подставить руки, но колени ударились о плитку так, что на секунду не могла вдохнуть. Над плечом прошелестел зонт, потом ещё один. Мужчина остановился — мне были видны только его ботинки. Он переступил подальше от лужи и пошёл. Я подтянула к себе сумку, проверила папку: сухая. Можно было подниматься. Обошлось, сказала бы я пациенту. Только никто не сказал этого мне.

Дома было темно. Пахло сыростью и несвежим бельем. Соня сидела на кухне, прижав к груди разбитый телефон. Экран был покрыт сеткой трещин. — Ева, — всхлипнула она. — Ты оплатила репетитора на месяц вперед. А я не могу позвонить. Он сказал, что если я не запишусь на урок, занятие пропадёт. Я полезла в тайник под половицей. Там были конверты. Пустые. Просроченные рецепты. Квитанции за коммуналку, которые Виктор перестал оплачивать. И мелочь. Горстка монет, которых хватило бы на хлеб.

Я дала Соне свой телефон и продиктовала номер преподавателя по старой квитанции. На сегодняшний урок хватило. На следующий месяц, свет и еду — нет. Сестра говорила в трубку старательно бодро, пока я считала монеты на полу.

Из всех знакомых врачей оставался Семенов. Профессор лечил ещё мою мать, когда я училась, и к Виктору отношения не имел. Я позвонила; он велел приходить со снимками и не стал расспрашивать про развод. Добиралась пешком, потому что монеты, отложенные на хлеб, тратить не хотелось. На последнем лестничном пролёте остановилась. В квартире пахло валерьянкой и бумагой. Очень хотелось услышать, что со мной просто переутомление. Всё ещё хотелось.

Семенов освободил край стола от книг. Я положила снимки и направления, которые получила ещё до развода. Он придвинул лампу, долго сравнивал листы, потом снял очки. Я смотрела на его пальцы: если врач не спешит заговорить, обычно хороших новостей мало. — Ева, такие симптомы редки для естественной дегенерации макулы. В вашем возрасте особенно. У родственников этого не было? Я покачала головой. — Вы точно ничего не принимаете? Не работаете с химией? Не живёте в доме с новым ремонтом? — Дома были новые средства для уборки. — Достала чеки. — Муж заказывал их два года. Я хотела, чтобы вы посмотрели. Он взял их, но пока отложил в сторону. — Нужно исключать хроническое отравление. Таллий, ртуть... По одним снимкам мы не установим вещество и уж тем более того, кто его использовал. Нужны токсикологические анализы. И образцы средств, если они сохранились.

Семенов выписал направления. Чеки он просмотрел дважды, но ни один не назвал доказательством отравления. Мне хотелось услышать имя Виктора, а врач говорил только о проверке. Если подтвердится, что меня травил, Виктору придётся отвечать не только за кражу методики. Я убрала направления рядом с чеками.

Глава 3

К вечеру ноги болели сильнее глаз. Соня уже уснула, положив сломанный телефон возле подушки. Я поправила ей одеяло и села на кухонный пол: там хотя бы можно было прислониться к шкафу. Пробовала закрыть глаза. Под веками всё равно двигались пятна, а во рту оставался привкус, о котором я рассказала Семенову. Хотела выпить воды, но для этого пришлось бы снова встать.

Домофон затрещал. Я спросила, кто там, и только после ответа спустилась открыть курьеру. Молодой парень промок до нитки. — Заказ для Евы Морозовой, — пробубнил он, ставя коробку у порога. Он ушел. Я задвинула засов и проверила его ладонью. Я подошла к коробке. Внутри лежали новые очки. Более дорогие, более стильные. И записка. Почерк Виктора. Идеальный, выверенный. «Для твоего комфорта, пока ты не найдешь место получше. Или не сдашься».

Он нашёл и этот адрес. Я прочла записку ещё раз: «Или не сдашься». Соня спала за тонкой перегородкой, а мне хотелось разбить всё, к чему он прикасался.

Очки были тяжёлые, новая оправа блестела даже при тусклом свете с улицы. Я подержала их на ладони и швырнула в стену. От хруста проснулась бы и Соня; я замерла, вслушиваясь в комнату. Тихо. Потом стала собирать осколки в коробку — сестра утром обязательно пойдёт сюда босиком. Склонялась за каждым отдельно, ругаясь шёпотом. Даже на его подарок теперь нужно было потратить силы.

Пустую оправу положила поверх стекла, записку — отдельно. Её стоило оставить. На коробке не было адреса отправителя, зато текст Виктор написал сам. Вся кухня пахла мокрым картоном и его древесными духами. Я толкнула коробку под стол и вымыла руки, хотя не касалась мужа уже несколько дней. Хотелось, чтобы хоть на коже его не осталось.

И тут в дверь постучали. Не тихо. Не вежливо. Три коротких, жестких удара. Ритм, который я слышала прошлой ночью. Кто-то знает, где я. И я пока не знаю, кто.

За дверью оказался посыльный Волконского. Я не открыла, и он просунул визитку под дверь: утром меня ждали в клинике. Значит, ночной стук мог быть его работой. Но доверять человеку, который присылает приглашения таким способом, я не собиралась.

У служебного входа «Волконский Медикал» пришлось встать под карниз: дождь затекал за воротник, а на визитке расплывался номер. Открыла телефон и сверила адрес ещё раз. Тот. До входа оставалось два шага, но я не торопилась. Волконский конкурировал с Виктором и сам прислал приглашение; лучшего варианта у меня не было. Нужно было добиться разговора и не соглашаться сразу на всё, что предложат. Я повторила это про себя, прежде чем вышла из-под карниза.

Охранник преградил дверь плечом. Из-за пятен я не сразу разобрала лицо, но разглядела мокрый лоб: под карнизом он не мог промокнуть. Он дышал ртом, поглаживал грудь через ткань униформы. Сначала я подумала, что просто не желает впускать меня. Потом заметила, как он переставляет ноги — будто ищет, на что опереться. Мне бы показалось это знакомым и без его грубости.

— Уходи, Морозова, — прорычал он, тыча пальцем в мою сторону. — Тут твоих новостей уже насмотрелись. Громовская жена, слепая нищенка. Полицию вызову за вторжение.

Подошла ближе, насколько он позволил. Поднялся запах пота, и я убедилась: дело не в дожде. Он отвёл локоть, чтобы снова ткнуть в меня пальцем, а ладонь тут же вернулась к груди. Я уже слушала не угрозы. Считала вдохи и ждала, сможет ли он закончить предложение без паузы.

— У тебя боль в груди? — спросила я, заметив, как он прижимает ладонь к груди. — Отдаёт в челюсть? Сядь. Не спорь со мной, позови дежурного врача по рации.

Он замер. Глаза расширились от ужаса, смешанного с недоверием. Он схватился за грудь, пошатнулся. — Откуда...

— Оттуда, где я лечила таких, как ты, пока твой бывший хозяин писал на меня доносы, — процедила я, пользуясь его замешательством. — Пропусти. Я вызову помощь изнутри.

Охранник уступил проход, продолжая смотреть на меня. Я проскользнула мимо и сразу потребовала у стойки отправить к нему врача. За спиной щёлкнула рация, голос стал тише. В холле пахло кофе, на кофемашине горел зелёный огонёк. Нормальная, исправная жизнь клиники; здесь не отключали свет за долги и не заворачивали стекло в упаковку от подарка. Это почти успокаивало. Потом администратор заговорила, не отрываясь от монитора.

Администраторша, женщина лет тридцати с идеальной укладкой и пустым взглядом, даже не подняла головы от монитора. — Записи нет. Все места заняты. Идите к выходу, гражданка.

«Гражданка». Она знала, кто я. Ей приказали игнорировать. Слово «гражданка» она произнесла отчётливее моей фамилии. Я положила ладони на стойку, чтобы она не видела, как они дрожат. — Логистика экстренных вызовов в вашей клинике построена с ошибками, — начала я, наклоняясь к ней. Ногти впивались в пластик. — Приоритет отдается VIP-пациентам с плановыми процедурами, тогда как кардиологический шок требует реанимационной группы в течение четырех минут. Вашему охраннику плохо прямо сейчас. Сначала помогите ему, потом будем говорить о вашей репутации. Я знаю, как это исправить. Дайте мне пять минут с Волконским.

Она наконец посмотрела на меня. В глазах мелькнуло раздражение. Кто эта сумасшедшая? — Артур Валентинович никого не принимает без записи. Тем более бывших жен конкурентов.

У лифта застучали каблуки. Лана прошла между креслами, не снимая тёмных очков, и увидела нас со стойкой. Узнала меня сразу — значит, успела обсудить с Виктором, куда я могу пойти. На ней был всё тот же бежевый тренч. Вчера мне казалось, что никогда не забуду этот цвет; сегодня уже захотелось забыть. Она улыбнулась и громко поздоровалась. — О, Боже. Гляньте-ка, кого принесло. Ева, ты ещё жива? Виктор говорил, что ты окончательно ослепла и сбежала в монастырь. А ты тут, в мусоре, пытаешься выклянчить подачку.

Лана шагнула ко мне, схватила за руку. Ее ногти впились в кожу, оставляя красные полумесяцы. Она тянула меня к выходу, шипя одними губами: — Убирайся. Виктор заплатил за твое исчезновение. Если Артур увидит тебя в таком виде, он посчитает это оскорблением. Ты ничтожество, Ева. Нищая, больная, бесполезная.

Лана тянула к выходу, и я переставляла ноги следом, чтобы не упасть. Оказаться снова на ступеньках перед охранником — вот чего она хотела. Я перестала вырывать руку. Пусть думает, что удалось. Набрала воздуха и сказала на весь холл, отчётливо, как диктуют назначение: — Спросите Артура Волконского, почему он сам прислал за мной ночью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.